

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

Современный Запад в
религиозно-нравственном отношении

Опубликовано:

Христианское чтение. 1885. № 11-12. С. 653-690.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

Современный Западъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

(Публичныя лекціи, читанныя минувшимъ великимъ постомъ въ «Обществѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви» въ пользу недостаточныхъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи) ¹⁾.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Двойное направленіе богословской мысли на Западѣ. Крайнее развитіе раціонализма. Раціоналистическія общины въ Англіи. Общины теистовъ и гуманистовъ. Культъ боготворенія человечества. Община атенстовъ. Характеристика этихъ общинъ. Слѣды вселенской мысли на Западѣ. Православный элементъ въ западномъ богословіи. Возрожденіе его въ послѣднее время. Попытки сближенія съ православною Церковью. Наша задача въ этомъ отношеніи.

III.

Въ своемъ первомъ чтеніи мы старались показать, какъ западный христіанскій міръ совершенно естественнымъ путемъ пришелъ къ той анархіи въ жизни и мысли, отъ которой въ настоящее время страдаетъ его общественный организмъ. Христіанство въ немъ, благодаря несовершенству своихъ формъ, видимо теряетъ подъ собою почву. Подъ видомъ такъ называемой культуры на мѣсто христіанства видимо выступаетъ его старый противникъ—язычество, и слѣды его ясно можно видѣть не только въ наукѣ и философіи, новѣйшія теоріи и системы которыхъ очевидно подновляютъ старыя теоріи и системы языческаго міросозерцанія, но и въ государственной, общественной и семейной жизни, гдѣ на мѣсто возвышенныхъ Христомъ началъ любви и самоотверженія все больше развивается и крѣпнеть языческое начало эгоизма и без-

¹⁾ См. предшеств. кн. Христ. Чтенія.

пошадной борьбы за существованіе. Конечно—христіанство сила и сила непобѣдимая, непобѣдимая даже въ тѣхъ несовершенныхъ формахъ, въ которыхъ оно существуетъ на западѣ, и потому, говоря о возрожденіи язычества, мы говоримъ только о томъ, насколько это языческое начало парализуетъ благотворное дѣйствіе христіанства и на мѣсто возвѣщеннаго въ моментъ рожденія Христова мира на землѣ и благоволенія въ человѣкахъ поддерживаетъ зло и распаляетъ ненависть и вражду. Но въ высшей степени поучительно наблюдать, какъ это языческое начало настойчиво и дерзко проникаетъ въ ограду именно западнаго христіанскаго міра, вѣроисповѣдныя формы котораго видимо не имѣютъ достаточной крѣпости, чтобы сдерживать напоръ этого страшнаго врага. Въ настоящій разъ мы имѣемъ предложить благосклонному вниманію своихъ слушателей нѣсколько мыслей въ разъясненіе того, какъ эта борьба христіанства съ язычествомъ на западѣ проявляется въ области вѣры, и къ чему она приводитъ тамъ, гдѣ побѣда остается не за христіанствомъ, и напротивъ какія свѣтлыя надежды воскресають тамъ, гдѣ христіанство не только торжествуетъ надъ своимъ противникомъ, но даже и освобождается отъ несовершенства своихъ западныхъ формъ.

Центральный пунктъ христіанства, какъ мы старались показать въ прошломъ чтеніи, есть идея *богочеловѣчества*. Богочеловѣчество есть совершеннѣйшее равновѣсіе между божествомъ и человѣчествомъ, между небомъ и землей. На этомъ равновѣсіи основана вся догматика православной церкви. Тоже равновѣсіе должно быть и въ воспріятіи этой идеи, и въ этомъ отношеніи оно является равновѣсіемъ между *вѣрой* и *разумомъ*. Тоже равновѣсіе должно быть наконецъ и въ жизни, и здѣсь оно является равновѣсіемъ между *закономъ* и *свободой*. Всякое нарушеніе этого равновѣсія и всякое уклоненіе отъ него въ ту или другую сторону есть уклоненіе отъ православія. А такъ какъ западныя формы христіанства нарушили это равновѣсіе, то онѣ перестали быть православными. Въ области богословской мысли онѣ нарушили равновѣсіе между

вѣрой и разумомъ. Римскій католицизмъ, представляя собою іерархическую систему, созданную на началахъ деспотическаго самовластія римской политики, не счѣмъль сохранить этого равновѣсія и нарушилъ законныя права личнаго разума, наложивъ на него иго безусловной и потому слѣпой вѣры. Протестантизмъ напротивъ, какъ протестъ противъ этого ига во имя правъ разума, совершенно естественно уклонился въ противоположную сторону и, завоевавъ права разума, нарушилъ права вѣры, которая подавляется разумомъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ нѣтъ того истиннаго равновѣсія, которое составляетъ сущность православія, и слѣдствія этого одинаково печальны. Въ римскомъ католицизмѣ разумъ, не находя себѣ законнаго удовлетворенія, бурно возстаетъ противъ церкви, переходя часто въ полное отрицаніе ея; въ протестантизмѣ же, разумъ не находя себѣ никакого ограниченія въ авторитетѣ церкви, неуклонно идетъ по пути свободнаго естественнаго мышленія и, не имѣя высшаго руководителя въ вѣрѣ, естественно приходитъ къ полному же отрицанію всего, что не укладывается въ рамки естественнаго ума, но что было бы совершенно мыслимымъ и постижимымъ при участіи высшаго органа знанія— вѣры. Въ томъ и другомъ случаѣ мы очевидно имѣемъ дѣло съ раціонализмомъ, но такъ какъ въ системѣ римскаго католицизма раціонализмъ есть лишь грубое отрицаніе положительнаго начала церкви, а въ протестантизмѣ онъ есть естественное и логическое развитіе этого начала, то очевидно послѣдняя система представляетъ болѣе удобства въ изслѣдованіи того, въ какомъ направленіи развивается личный разумъ, когда онъ совершенно освобождается отъ руководства церкви, и до какой степени отрицанія вѣры можетъ доходить онъ. Въ этомъ отношеніи достаточной иллюстраціей могло бы служить религіозное развитіе всякой протестантской страны, потому что разлагающее дѣйствіе протестантскаго начала вездѣ сказывается одинаково. Но мы предпочитаемъ взять Англію, и именно потому, что въ этой протестантской странѣ, отличающейся наибольшою свободою умственнаго развитія, религіозная жизнь пред-

ставляетъ наглядную картину того, какъ протестантизмъ, разь нарушивъ равновѣсіе между вѣрой и разумомъ, съ неудержимою, можно сказать роковою силою увлекается въ мрачную бездну раціонализма, — подобно тому, какъ камень, оторвавшійся отъ вершины горы, съ роковою силою увлекается въ пропасть.

Въ религіозномъ отношеніи Англія представляетъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, весьма интересное явленіе. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ народомъ, отличающимся крѣпкимъ здравымъ смысломъ и необычайною привязанностью къ своимъ историческимъ преданіямъ. Эта національная особенность сама по себѣ должна бы служить вѣрной гарантіей противъ сектантскихъ увлеченій и удерживать религіозный смыслъ народа въ предѣлахъ должнаго подчиненія авторитету церкви. Но такова закваска протестантизма, что она и въ этомъ здравомыслящемъ народѣ производитъ религіозное броженіе, переходящее иногда въ полную распущенность религіознаго чувства. По официальному отчету 1882 года въ Англіи считалось 186 сектъ или исповѣданій, о бродячемъ характерѣ которыхъ можно судить по тому, что онѣ ежегодно нарождаются вновь, чтобы года черезъ два опять исчезнуть и расплыться въ этомъ религіозномъ морѣ. Въ мрачномъ Лондонѣ, этомъ фокусѣ всей жизни англійскаго народа, можно видѣть такое разнообразіе церковно-религіозной жизни, какого не представляетъ еще ни одинъ городъ въ мірѣ. Въ немъ числится полныхъ сорокъ сороковъ церквей, и въ этомъ лабиринтѣ храмовъ и молитвенныхъ собраній можно встрѣтить всѣ формы церковно-религіозной жизни — отъ пышной церемоніальности римскаго католицизма и аристократическаго епископализма до нелѣпыхъ и дикихъ выходовъ такъ называемой „арміи спасенія“ — вплоть до самаго отрицанія всякой религіи и божества. Тутъ есть напр. секта, которая совершаетъ богослуженіе, не признавая Бога; рядомъ съ ней другая, все богослуженіе которой состоитъ изъ изступленнаго повторенія многочисленныхъ „аллилуйя“ и „слава“; затѣмъ шекеры съ своими фанатическими скачками, а вотъ и спириты, совершающіе въ тем-

нотѣ свои таинственныя вызыванія умершихъ. Въ такъ называемой „скинии“ можно видѣть, какъ огромное собраніе народа тысячъ въ пять сидитъ въ благочестивомъ безмолвномъ экстазѣ, ожидая сошествія Св. Духа; гдѣ нибудь на улицѣ среди окружающей тишины воскреснаго дня раздается барабанный бой и военная музыка: это армія спасенія военнымъ маршемъ и съ развѣвающимися знаменами идетъ въ атаку на сатану или штурмомъ беретъ одну изъ его крѣпостей. Затѣмъ на каждомъ перекресткѣ можно видѣть толпы народа, и это непременно какіе нибудь бродячіе проповѣдники-методисты проповѣдуютъ подъ открытымъ небомъ. Часовъ въ 12 или въ часъ дня всѣ улицы закружаются чинными рядами богомольцевъ, идущихъ съ золотообрѣзными молитвенниками изъ церквей, а вечеромъ уже водворяется та воскресная тишина и то безлюдье, которыми отличается воскресный день въ Лондонѣ. Все это показываетъ, что англійскій народъ кипитъ религіознымъ чувствомъ, какъ и вообще жизненными силами; но протестантская закваска этой религіозности дѣйствуетъ болѣе разлагающимъ, чѣмъ созидającym образомъ. Правда, онъ имѣетъ сильную и стройно организованную государственную церковь, но и она опирается скорѣе на національныя, историческія традиціи, чѣмъ на дѣйствительно церковно-религіозныя начала, и въ самомъ внутреннемъ міросозерцаніи ея постоянно происходитъ броженіе, которое лишаетъ ее необходимой устойчивости, подѣляя ее на партіи, часто враждующія между собою.

Извѣстно, какъ образовалась эта церковь. Своенравный деспотъ Генрихъ VIII, этотъ Иванъ Грозный англійскаго народа, былъ ревностнымъ католикомъ и почитателемъ папы, но стоило только папѣ стать противъ одной изъ прихотей его капризнаго деспотизма, чтобы онъ изъ защитника папства сдѣлался фанатическимъ врагомъ его. И римскіе историки никакъ иначе и не объясняютъ происхожденія реформаціи въ Англіи, какъ тѣмъ, что „Генрихъ VIII случайно прочиталъ новое евангеліе въ прельстившихъ его глазахъ Анны Болейнъ“. Самая реформація только и со-

стояла въ томъ, что отвергнуто было главенство папы и возвращено право народному языку въ богослуженіи. Англійская церковь хотѣла оставаться католическою, со всѣмъ ея церковнымъ строемъ и богослужебною обрядностью—только съ сохраненіемъ національной самостоятельности; но разъ оторвавшись отъ крѣпкой организаціи римско-католической системы и ставъ на наклонную плоскость протестантизма, она неудержимо пошла по этому направленію. Скоро понадобился особый символъ вѣры, въ которомъ уже явно сказался протестантскій духъ, и подъ разлагающимъ вѣяніемъ его быстро стали вянуть церковныя формы, литургія стала сокращаться и обезцвѣчиваться и, наконецъ, получился современный англианизмъ, съ его мертвенно-однообразными формами и развѣдающимъ ихъ раціонализмомъ.

Раціоналистическая тенденція особенно рѣзко сказывается въ одной изъ трехъ ея партій—въ такъ называемой „широкой церкви“ (Broad Church). Основатель ея—извѣстный богословъ-идеалистъ Кольриджъ, на міросозерцаніе котораго громадное вліяніе имѣлъ нѣмецкій идеализмъ Шеллинга. Изъ смѣшенія этого нѣмецкаго идеализма съ англійскимъ эмпиризмомъ образовалось своеобразное церковнорелигіозное міровоззрѣвіе въ родѣ мистицизма древне-александрійской школы. Оно основное начало христіанства видитъ въ божественной имманенціи, идею откровенія расширяетъ до того, что смотритъ на него какъ на постоянный и общій даръ человѣчеству и допускаетъ возможность безпредѣльнаго развитія религіозныхъ вѣрованій. Громадное значеніе эта партія придаетъ библейской экзегетикѣ и изъ рядовъ ея выходятъ извѣстнѣйшіе толкователи Библии и изслѣдователи библейско-научнаго матеріала. Къ этой партіи по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ между прочимъ и знаменитый деканъ Станлей, и она вообще оказываетъ значительное вліяніе на развитіе богословской мысли въ Англіи. Попятно, такая „широта“ богословскаго міросозерцанія не представляетъ достаточной гарантіи для сохраненія должной умѣренности въ полетѣ богословской мысли, и мы дѣйствительно

видимъ, что въ этой именно партіи по преимуществу и живетъ церковный рационализмъ. Протестантскій духъ, найдя здѣсь себѣ полный просторъ, стремится до конца выразить свою сущность. Эта партія старается все шире и шире раздвинуть предѣлы государственной церкви, такъ чтобы въ нее могли входить всѣ исповѣданія и секты, признающія сущность христіанства, то есть вѣрующія во Христа. Съ этою цѣлю она протестуетъ противъ обязательности и того символическаго документа, который служить основой англиканизма, а въ печати высказываются мнѣнія, которыя совершенно выходятъ за предѣлы разумной церковности. Въ 1860 году семь извѣстныхъ писателей и между ними пять духовныхъ лицъ издали сочиненіе, подъ заглавіемъ „Опыты и обозрѣнія“ (Essays and Reviews), въ которомъ доказывалась необходимость полного преобразованія въ богословіи въ пользу приложенія историко-критическаго метода въ области религіи, освобожденія отъ сверхъ-естественнаго авторитета Библии и принятія принципа развитія религіозныхъ вѣрованій — вопреки мнимой неизмѣняемости догматовъ. Эти воззрѣнія встрѣтили сильный отпоръ въ другихъ партіяхъ, именно со стороны членовъ, такъ называемыхъ, „высокой“ и „низкой“ церкви; но нашлись тѣмъ не менѣе ревностные выразители ихъ даже въ средѣ епископской корпораціи. Епископъ Колензо напр., прилагая историко-критическій методъ къ изученію Библии, пришелъ къ тому убѣжденію, что „всѣ подробности повѣствованія книги Исходъ вызываютъ на предположенія столь же чудовищныя и нелѣпыя, какъ было бы нелѣпо положеніе въ арифметикѣ, что дважды два = пять“, и что „нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, будто авторъ Пятикнижія писалъ дѣйствительную исторію, а не повѣсть“ ¹⁾. Другой епископъ этой же партіи, прилагая естественно-научный методъ къ изслѣдованію ученія о Промыслѣ, пришелъ къ своеобразнымъ воззрѣніямъ на отношенія Бога къ физическому міру, изъявъ послѣдній изъ-подъ

¹⁾ Colenso, Pentateuch and Book of Joshua, critically examined, II, стр. 370, 375.

вліянія Творца. Когда пасомые однажды обратились къ нему съ просьбою совершить молебствіе о дождѣ, то архинастырь отказалъ имъ, говоря, что атмосферическія явленія управляются неизмѣнными законами природы и что поэтому пасомые, если хотятъ избавиться отъ засухи, должны позаботиться скорѣе объ улучшеніи системы орошенія полей....

Этотъ раціонализмъ однако еще уживается въ предѣлахъ церкви, составляя только ея „либеральную“ партію. Но очевидно, въ области богословскаго міросозерцанія онъ заходитъ уже такъ далеко, что еще одинъ шагъ и—онъ станетъ въ противорѣчіе съ существеннымъ догматомъ христіанства — идеей богочеловѣчества. Этотъ шагъ и сдѣланъ *унитаризмомъ*, и шагъ вполне естественный тамъ, гдѣ разумъ уже пересталъ сообразоваться съ данными вѣры. Высшее чудо христіанства заключается въ самой его сущности — въ идеѣ богочеловѣчества. Вся полнота и величіе ея могутъ быть постигнуты разумомъ только при свѣтѣ вѣры. Но коль скоро отвергнуть этотъ органъ познанія, разумъ не можетъ воспринимать ея, она кажется ему несообразною съ законами мышленія, а потому нелѣпа. И вотъ унитаризмъ отрицаетъ возможность этого чуда, отрицаетъ божество Христа и вообще отрицаетъ Троицу. Естественный разумъ можетъ понять только единство Божества, на этомъ и останавливается унитаризмъ. Христосъ по нему есть сынъ Божій только въ условномъ смыслѣ, какъ и всѣ люди чада Божіи, только Онъ избранный Сынъ, посланный для освобожденія челоуѣчества отъ грѣха своимъ ученіемъ и примѣромъ. Но какъ объяснить тѣ многія мѣста св. Писанія, въ которыхъ прямо указывается на божественность Христа, и тѣ совершенныя Имъ чудеса, которыя свидѣлствуютъ о Его божественномъ могуществѣ?—И объяснять нѣтъ надобности, потому что (замѣтьте, какъ одно отрицаніе цѣпляется за другое!) Библію нужно принимать лишь настолько, насколько она не противорѣчитъ даннымъ науки и исторіи. Достоверная же исторія не передаетъ намъ ничего о чудесахъ, а наука свидѣлствуетъ, что они невозможны, такъ какъ-де противорѣчатъ

законамъ природы,—слѣдовательно, ихъ не было!.. Но какой же смыслъ послѣ этого имѣеть Промыслъ Божій, подъ которымъ мы разумѣемъ извѣстную дѣятельность Бога въ мірѣ съ цѣлю достиженія извѣстныхъ цѣлей въ немъ? — И Промыслъ, отвѣчаютъ, нужно понимать только въ томъ смыслѣ, что разъ настроенный и нущенный въ ходъ механизмъ природы, управляясь своими неизмѣнными законами, неизмѣнно приводитъ къ совершенству, и вмѣшательство Божества уже немислимо въ дѣятельность этого механизма. Значить, вся роль Бога ограничилась сотвореніемъ міра и седьмой день былъ днемъ Его абсолютнаго успокоенія.... Вотъ ужъ до чего докатился оторвавшійся отъ вѣры камень разума по крутой наклонности протестантскаго раціонализма! Представителемъ унитаризма въ Англіи въ настоящее время выступаетъ блестящій и несомнѣнно даровитый богословъ-писатель Мартино, и въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ онъ открыто уже высказываетъ, что дѣятельности Бога нужно искать исключительно въ правильномъ теченіи законовъ природы, въ прогрессивномъ развитіи исторіи и во внутреннихъ чаяніяхъ совѣсти; что Іисусъ есть не что иное какъ продуктъ своего времени и своей страны; правда Онъ безконечно превосходилъ своихъ современниковъ возвышенностью своихъ чувствъ и былъ изумительно одушевленъ любовью къ человѣчеству, но подверженъ тѣмъ же ограниченіямъ нашей природы и вообще принадлежалъ къ тому же роду, какъ и всѣ знаменитые религіозные преобразователи въ исторіи человѣчества. И нужно замѣтить, что эти раціоналистическія воззрѣнія не составляютъ только особенности отдѣльныхъ лицъ,—нѣтъ, они составляютъ уже „вѣроисповѣданіе“, составляютъ своего рода церковь. Въ 1883 году въ Англіи унитаризмъ имѣлъ уже 374 прихода, при которыхъ состояло 382 проповѣдника, проповѣдывавшихъ отъ имени христіанства отверженіе божества І. Христа.

Но дойдя до этого пункта, составляющаго уже выходъ за предѣлы христіанства, мысль тѣмъ менѣе могла уже остановиться здѣсь, чтобы удержать послѣдніе останки христіанскаго міросозер-

панія. Нѣтъ, она уже стремилась сбросить и эти послѣдніе останки. И вотъ дѣйствительно, въ средѣ самаго унитаризма является прогрессивная партія, которая не удовлетворяется и унитаризмомъ. Для нея кажется страннымъ, почему мысль, какъ произведеніе свободного разума, должна еще держаться предѣловъ христіанства, то есть обуславливать предѣлы общины признаніемъ Спасителемъ, хотя и въ весьма условномъ смыслѣ, человека — Христа. Нѣтъ, свободный разумъ требуетъ основанія такой религіи, которая основывалась бы не на тождествѣ вѣрованій, а просто на согласіи религіознаго чувства—какъ чувства. А въ такомъ случаѣ должны потерять свое полное значеніе всѣ вѣроисповѣдныя разности, должна основаться всеобщая религія, къ которой бы принадлежали всѣ, у кого есть религіозное чувство, кто просто вѣруетъ въ Бога и чувствуетъ потребность въ Его прославленіи. Это уже *теизмъ*, и такую общину основалъ въ Лондонѣ пасторъ Войси (Voysy) подъ названіемъ „церкви теизма“. Въ этой церкви, которая къ тому же за неимѣніемъ помѣщенія стала совершать свое богослуженіе въ одномъ изъ грязненькихъ театровъ, уже ничего не говорится о Христѣ и христіанствѣ, самое христіанство поносится какъ одно изъ заблужденій человѣческихъ и ему приписываются всѣ бѣдствія, которыми удручено было человѣчество въ теченіи его существованія, такъ какъ дескать внесенное имъ вѣроисповѣдное различіе подѣлило человѣчество на непримиримо враждебныя партіи. У нея есть символъ вѣры, въ которомъ говорится о существованіи верховнаго существа, безконечно добраго и сираведливаго и называемаго Богомъ только за неимѣніемъ другаго лучшаго термина. Такая религія очевидно имѣетъ уже весьма призрачное существованіе и видимо теряетъ всякое значеніе для нравственной жизни. Но основатели общины находятъ исходъ изъ этого затрудненія и въ своемъ символѣ категорически заявляютъ, что религія и не можетъ служить основой нравственности; напротивъ сама религія основывается на нравственности, да наконецъ и сама нравственность не имѣетъ безусловно-рѣшающаго значенія, такъ какъ никто не можетъ по-

гибнуть за свои грѣхи навсегда, а всѣ наконецъ достигнуть въ высшемъ существѣ святости и блаженства. И вотъ эта-то община, въ числѣ членовъ которой между прочимъ былъ извѣстный геологъ Ляйель, собиралась въ одномъ изъ театровъ, чтобы совершать свое богослуженіе и при томъ по новому служебнику, въ который между прочимъ вошло чинопослѣдованіе на сожженіе труновъ, хотя до сихъ поръ правительство и не дозволяло совершить это чинопослѣдованіе. Въ довершеніе картины нужно прибавить, что это богослуженіе въ театрѣ основатель секты Войси совершаетъ въ англиканскомъ церковномъ облаченіи, съ цѣлію привлечь больше членовъ для новой церкви.

Но теизмъ, какъ ни далеко онъ уходитъ въ область отрицанія положительнаго содержанія религіи, все-таки имѣетъ извѣстные догматы, считаетъ обязательнымъ признаніе Бога въ смыслѣ опредѣленной верховной личности. Это очевидно „догматизмъ“, — свободный разумъ не можетъ потерпѣть такого ограниченія, и вотъ выступаетъ новый прогрессистъ, который хотѣлъ бы сдѣлать еще шагъ впередъ. Изъ среды общины теистовъ выдѣляется г. Конвей и основываетъ новую общину, символъ которой состоитъ просто въ фактѣ религіознаго чувства, безъ опредѣленнаго признанія даже Бога. Въ эту общину входятъ всѣ, которые, имѣя религіозную потребность, не настаиваютъ на догматѣ бытія Божія, и въ ней подаютъ братскую руку другъ другу нантеисты, позитивисты и всякаго рода скептики. Но очевидно солидарность должна основываться на чемъ нибудь опредѣленномъ и положительномъ, и вотъ на мѣсто Божества выступаетъ *человѣчество*, которое совершенно заслоняетъ собою первое. Тутъ наконецъ разумъ человѣческій, уклонившись отъ возвыщенной христіанствомъ идеи богочеловѣчества, постепенно пришелъ къ полному превозношенію человѣчества на счетъ Божества. Явилась община *гуманизма*, или такъ называемая религія человѣчества. Богъ, по ученію этой общины, есть не что иное какъ идеальное человѣческое; онъ имѣлъ разныя проявленія въ исторіи человѣчества и священныя книги разныхъ народовъ пред-

ставляютъ собою лишь откровеніа этого идеала. Задача религіи состоитъ въ томъ, чтобы идеаль этотъ возможно шире осуществить въ дѣйствительной жизни человѣчества и тѣмъ облагородить, гуманизировать послѣднюю. Община гуманистовъ собирается по воскреснымъ днямъ для богослуженія, во время котораго поются священные гимны въ честь идеала человѣчества, возносятся молитвы Богу, „существующему въ сердцахъ человѣческихъ“, и предлагаются чтенія, которыя берутся одинаково изъ Библии, корана, индійскихъ ведъ, изъ сочиненій Конфуція и даже Ренана; предлагается проповѣдь напр. о томъ, что спасительнѣе для человѣчества—аллопатія или гомеопатія, и вообще по подобнымъ возвышеннымъ вопросамъ. Самая церковь представляетъ довольно чистый залъ съ каеедрой, надъ которой по стѣнѣ значатся золотыми буквами имена великихъ гуманистовъ и между ними виднѣются имена Сократа, Шекспира, Моисея, Вольтера, группирующіеся вокругъ имени—Иисуса, котораго община считаетъ величайшимъ гуманистомъ. Членомъ этой церкви состоитъ между прочимъ одно изъ свѣтилъ индійскаго буддизма, съ о. Цейлона.

Въ этой общинѣ однакоже религія человѣчества не достигла своего полного развитія и страдаетъ теоретической неопредѣленностью. Полного своего развитія эта религія достигаетъ въ общинѣ *позитивистовъ*, которая значительно распространена въ Лондонѣ и имѣетъ опредѣленную внѣшнюю организацію. Эта община осуществляетъ въ себѣ идею Огюста Конта — основать такую религію, которая была бы свободна не только отъ всякихъ вѣрованій въ сверхъ-естественное, но и отъ всякихъ богословскихъ воззрѣній, была бы просто „состояніемъ духовнаго единства, какъ результата обращенія всѣхъ нашихъ мыслей и всѣхъ нашихъ дѣйствій на служеніе человѣчеству“. И вотъ является формальный культъ боготворенія человѣчества. Само человѣчество олицетворяется въ видѣ какого-то высшаго бытія, подъ которымъ мыслится „совокупность всѣхъ человѣческихъ существъ — настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ“, но впрочемъ съ ограниченіемъ. Исключаются отсюда

всѣ такъ называемые „паразиты“, не содѣйствовавшіе благу и пользѣ человѣческаго рода, зато включаются нѣкоторые наиболѣе полезныя животныя. Культъ этотъ тщательно выработанъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Онъ имѣетъ особое священство, причемъ на каждаго 6,000 обитателей должно быть по одному священнику. Онъ имѣетъ выработанное частное и общественное богослуженіе. Въ домашней жизни предписывается ежедневно прочитывать по особой молитвѣ — утромъ, въ полдень и вечеромъ, причемъ содержаніе этихъ молитвъ заимствовано „изъ эстетической сокровищницы человечества“. Домашній культъ состоитъ изъ девяти „соціальныхъ таинствъ“: 1) *представленіе*, въ которомъ новорожденному младенцу дается имя—одно въ честь какого нибудь патрона „теоретическаго“, другое въ честь патрона „практическаго“, а позднѣе ребенокъ самъ можетъ избрать себѣ еще патрона „художественнаго“; 2) *вступленіе*, когда ребенокъ достигаетъ 14 лѣтъ; 3) *допущеніе* въ общину, 21 года; 4) *назначеніе*, когда человѣкъ избираетъ себѣ окончательную профессію, 28 лѣтъ; 5) *бракъ*— для мужчины въ 29 лѣтъ и для женщины въ 21 годъ, причемъ вдовы и вдовцы лишаются права на вступленіе въ новый бракъ; 6) *зрѣлость*—42 лѣтъ, когда человѣкъ достигнетъ полнаго мозгового развитія; 7) *отступленіе*—63 лѣтъ; 8) *преобразование*—нѣчто въ родѣ отходной надъ умирающимъ, въ которой священникъ, по заявленію позитивистскаго катихизиса, „мѣшая сожалѣнія общества съ слезами семейства, достойно оцѣниваетъ всѣ заслуги человѣка, совершенныя имъ къ пользѣ человечества“; 9) таинство *инкорпорации*, совершающееся семь лѣтъ спустя послѣ смерти, когда община приступаетъ къ окончательному суду надъ умершимъ, по обычаю древнихъ египтянъ. Смотра по произнесенному приговору, трупъ или бросаютъ и самый прахъ развѣвають, или же съ почетомъ заключаютъ въ священную гробницу съ надписью „по степени прославленія“. Самый календарь у позитивистовъ получилъ существенное преобразование. Годъ раздѣляется у нихъ на тринадцать мѣсяцевъ, которые называются по именамъ великихъ благодѣте-

лей человечества—Моисея, Гомера, Аристотеля, Архимеда, Цезаря, ап. Павла, Карла Великаго, Дантэ, Гуттенберга, Шекспира, Декарта, Фридриха II и Биша. Дни недѣли также посвящены „святымъ“ общины человечества, и вообще весь календарь состоитъ изъ новыхъ святыхъ, между которыми значатся между прочимъ Геркулесъ, Гарунъ-аль-Рашидъ, св. Терезія, папа Иннокентій III, графъ де-Мэстръ. По скромности Контъ не вставилъ въ списокъ этихъ „святыхъ“ самого себя, а должно быть по забывчивости совершенно пропустилъ І. Христа. Первое опущеніе впрочемъ восполнено его учениками и имя его внесено въ списокъ великихъ святыхъ, службу которымъ положено править въ день рожденія и смерти чуть не съ получаемъ. Община человечества имѣетъ свой молитвенный домъ въ Лондонѣ, въ улицѣ Chapel street, и тамъ 1 января, по календарю общины, торжественно празднуется *праздникъ человечества*. Богослуженіе начинается вѣроисповѣдной формулой религіи человечества, которая написана золотыми буквами на стѣнѣ храма и гласитъ слѣдующее: „жизнь для другаго, любовь къ принципу, порядокъ—основа, прогрессъ — цѣль“. Затѣмъ дѣлается возгласъ въ родѣ такого: „О, верховная сила, которая доселѣ руководила твоихъ чадъ подъ другими именами, но которая въ семъ вѣкѣ открылась намъ въ собственномъ своемъ лицѣ, открылась на всѣ времена черезъ служителя твоего Огюста Конта, тебѣ мы славу возсылаемъ“ и т. д. И послѣ этого слѣдуетъ нѣчто въ родѣ ектеніи, причемъ священникъ дѣлаетъ возгласъ и народъ отвѣчаетъ ему. Вотъ образецъ этой позитивистской ектеніи:

Священникъ говоритъ: Мы преклоняемся предъ тобою, великое бытіе человечества, въ благодареніи.

Народъ отвѣчаетъ: какъ чада твоего прошлаго.

Священникъ: Мы покланяемся тебѣ въ упованіи.

Народъ: какъ твои служители и дѣтели для будущаго.

Священникъ: Мы желали бы смиренно сообщить съ тобой въ молитвѣ.

Народъ: какъ твои служители въ настоящемъ.

Всѣ вмѣстѣ заканчиваютъ ектенію возгласомъ: „Да развивается нашъ культъ и наша жизнь все болѣе и болѣе и станутъ достойными твоего имени“.

Говорится послѣ этого проповѣдь, читается еще молитва, и служба заканчивается отпустомъ слѣдующаго содержанія: „Да упокоитъ васъ вѣра человѣчества, надежда человѣчества и любовь человѣчества, дабы вы познали сочувствіе и имѣли миръ въ себѣ и съ другими, нынѣ и присно. Аминь“.

Но довольно заниматься этой чудовищной пародіей на богослуженіе, — тѣмъ болѣе чудовищной и нелѣпой, что оно совершается съ полною серьезностью и своего рода благоговѣніемъ. До такой степени безумія можетъ дойти человѣкъ, когда онъ разъ оторвался отъ церкви и какъ осенній листъ съ сухаго дерева носится вѣтромъ жалкаго самоученія. Но и это еще не все. Нашлись люди, которымъ мало отрицанія и въ этой религіи человѣчества. Правда, тутъ, вполне отрицается Богъ и на мѣсто его ставится человѣчество (вкупѣ съ полезными животными), но все-таки и человѣчество представляется въ качествѣ какого-то особаго божества. Нужно отвергнуть и это. И вотъ дѣйствительно образовывается еще община, совершенно безъ всякаго Бога. Она не признаетъ самой идеи Бога и самое имя Бога, на подобіе парижскаго антидеистическаго общества, хотѣла бы искоренить во всѣхъ языкахъ человѣческихъ. Эта новая община носить названіе „британскаго безрелигіознаго союза“. Предсѣдателемъ его состоитъ маркизъ Квинсбери, вице-президентами считаются Пастеръ и Ренанъ, Викторъ Гюго — почетный членъ, а извѣстный атеистъ Брэдло, надѣлавшій недавно столько шума въ англійскомъ парламентѣ заявленіемъ своихъ атеистическихъ воззрѣній, является главнымъ глашатаемъ началъ союза и написалъ предисловіе къ литургіи этой безбожной общины, которая состоитъ изъ свѣтской проповѣди и соотвѣствующихъ гимновъ. Эта община впрочемъ немногочисленна и одинъ путешественникъ, описывая свое посѣщеніе богослужебнаго собранія этой церкви, говоритъ, что онъ

встрѣтилъ въ „церкви“ только трехъ человѣкъ, и у нихъ-то не было Бога...

И такъ вотъ до чего совершенно естественнымъ и логическимъ путемъ можетъ дойти человѣкъ, когда онъ, всецѣло полагаясь на свой разумъ, пренебрегаетъ свѣточемъ вѣры. Стоило ему нарушить возвышенное христіанствомъ равновѣсіе разума и вѣры, и человѣкъ, оторвавшись отъ руководства церкви, уподобился камню, оторвавшемуся отъ вершины горы и съ ужасающею роковою силою покатылся внизъ—въ мрачную бездну невѣрія. Но замѣчательнѣе всего, что и въ этой безднѣ невѣрія и отрицанія человѣкъ какъ утопающій хватается за соломинку и, отрицая Бога, создаетъ какое-то жалкое богослуженіе, которое служить лишь по-смѣшищемъ предъ людьми и преступленіемъ предъ Богомъ. Это яснѣе всего показываетъ, что какъ бы глубоко ни падалъ человѣкъ въ бездну отрицанія и невѣрія, онъ не можетъ жить безъ религіи и если для него нѣтъ Бога—онъ выдумываетъ Его, хотя бы и въ самыхъ жалкихъ формахъ. Въ виду этого является попытка основать даже научную религію, въ которой бы истины вѣры вполне замѣнялись истинами положительнаго знанія. Но увы, и эта научная религія имѣетъ свои слабыя стороны, которыя лучше всего будутъ видны изъ слѣдующаго проекта „религіи будущаго“.

„Эта религія конечно не будетъ признавать откровенія, а слѣдовательно и связанныхъ съ нимъ истинъ о бытіи Бога и безсмертіи души. Если нѣтъ безсмертія, то естественно нѣтъ и награды или наказанія по смерти; значить нѣтъ различія и между грѣховностью и праведностью, и правиломъ жизни можетъ быть только выгода. Новый символъ вѣры будетъ состоять изъ трехъ членовъ: 1) нѣтъ будущей жизни, 2) выгода есть единственное правило жизни и 3) быть можетъ есть, а быть можетъ и нѣтъ личнаго Бога. По своей простотѣ новый символъ вѣры гораздо короче стараго и не даетъ мѣста для утомительныхъ богословскихъ умозрѣній. Новая религія конечно не будетъ нуждаться ни въ церквахъ, ни въ священникахъ, и весь культъ будетъ состоять только въ

томъ, что поэты будутъ слагать оды, воспѣвающія Великую, быть можетъ существующую, а быть можетъ и нѣтъ, Первопричину. Но она однакоже будетъ содержать въ себѣ истины, къ размышленію о которыхъ будутъ прибѣгать люди въ радости и горѣ. Истины эти конечно положительно научныя, и ими-то будутъ люди утѣшаться въ горѣ, укрѣпляться въ слабости. Преступникъ, приближающійся къ висѣлицѣ, будетъ готовить себя къ смерти размышленіемъ о великой и славной истинѣ биномовой теоремы. Священникъ конечно уже не будетъ напутствовать его, а придетъ какой-нибудь ученый филантропъ и прочитаетъ ему утѣшительныя выдержки изъ алгебры и угладитъ ему путь въ царство небытія искуснымъ начертаніемъ теоремы Пифагоровыхъ штановъ. Это такъ благотворно повліяетъ на преступника, что онъ взойдетъ на эшафотъ съ истиннонаучнымъ спокойствіемъ. Когда человѣкъ будетъ подвергаться какому нибудь опасному искушенію и не въ силахъ будетъ противостоять ему, то стоитъ ему только уединиться въ кабинетъ и немного позаняться размышленіемъ о квадратурѣ круга; это такъ укрѣпитъ его, что онъ безбоязненно можетъ проходить черезъ огненную печь всякихъ искушеній. Подобное размышленіе будетъ чрезвычайно полезно и въ горести. Напр. у человѣка умираетъ нѣжно любимая жена. Онъ знаетъ, что никогда больше не увидитъ ея и что она, вмѣсто того, чтобы ожидать его въ будущемъ мірѣ, разложится на свои химическіе элементы. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ, возвратившись съ научныхъ, разумѣется, похоронъ, уединяется для того, чтобы найти утѣшеніе въ своей религіи. Онъ размышляетъ объ элементахъ орбиты новой кометы, или сосредоточиваетъ свои сердечныя чувствованія на истинѣ, что сила притяженія обратно пропорціональна квадрату разстоянія. Это скоро утѣшитъ и укрѣпитъ его и онъ выйдетъ изъ своего заключенія съ миромъ въ душѣ. Новая нравственность также будетъ отлична отъ христіанской. Отверженіе теоріи, что существуетъ какой-то грѣхъ, въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, и принятіе ученія, что выгода есть единственное правило жизни, поведутъ къ результатамъ,

при видѣ которыхъ совсѣмъ уже не стоитъ жить въ такомъ обществѣ, гдѣ еще существуютъ христіанскіе предрассудки. Люди будущаго несомнѣнно будутъ толковать о нравственности такъ же красно, какъ говорили о ней стоическіе философы; но если они будутъ находить при случаѣ выгоднымъ, повинаясь великому закону борьбы за существованіе, лишитъ ближняго жизни съ цѣлю воспользоваться его собственностью, или удобнымъ покончить съ своею жизнью, то наука ничего не можетъ возразить противъ этого, а тѣмъ болѣе разубѣдить ихъ. Послѣ всего этого ясно, что новая религія куда какъ будетъ лучше христіанства, и мы должны всячески стараться о скорѣйшемъ ея введеніи и распространеніи. Невѣжественные люди и слабыя женщины навѣрно долго еще будутъ держаться христіанства, но превосходство новой религіи, съ ея научнымъ утѣшеніемъ и великимъ обѣтованіемъ вѣчной смерти, такъ очевидно для всѣхъ мыслящихъ людей, что они несомнѣнно съ радостью примутъ новую вѣру¹⁾.

Такова „религія будущаго“. Конечно, предметъ, затрогиваемый здѣсь, слишкомъ великъ и важенъ, чтобы относиться къ нему юмористически; но самое ученіе и жизнь общинъ, съ которыми мы имѣли честь познакомиться достопочтенное собраніе, въ значительной степени оправдываютъ этотъ невинный юморъ. Вообще же можно только ужасаться при видѣ той бездны, въ которую падаетъ человѣкъ—безъ руководства церкви. И нужно сказать, что въ такомъ видѣ невѣріе развивается не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ Европы. Подобныя же общины существуютъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и въ Германіи, и въ Италіи, и во Франціи. Въ послѣдней, гдѣ невѣріе нашло себѣ авторитетнаго защитника и покровителя въ самомъ правительствѣ, оно прямо выступаетъ съ дерзкимъ вызовомъ христіанству. Тамъ оно не только теоретическая система, но и практическая сила, и дѣйствіе его сказывается въ коммунистическомъ броженіи пролетаріата и въ холод-

¹⁾ См. нашу книгу «Жизнь за океаномъ», стр. 113 и 114. „

номъ равнодушій къ высшимъ интересамъ религіи со стороны высшихъ образованныхъ классовъ. Но тамъ же ослабленіе вѣры больше всего сказывается и въ нравственномъ растлѣніи общественнаго организма, отъ котораго уже вѣтъ тлѣннмъ трупа. А гдѣ трупъ, тамъ собираются и орлы. И почувавъ это разложеніе христіанскаго общества, орлы уже слетаются издалека. Недавно сообщалось извѣстіе, что въ Парижъ прибыли изъ Индіи миссіонеры буддизма для обращенія западной Европы, потерявшей вѣру въ Христа, къ вѣрѣ въ Будду. И говорятъ, что миссія ихъ въ „столицѣ міра“ сопровождается значительнымъ успѣхомъ. Въ прошломъ году изданъ буддистскій катихизисъ и онъ бойко раскупается, — къ немалому удовольствію папы буддистскаго міра, нѣкоего Сумангалы, съ разрѣшенія котораго учреждена миссія. Кстати сказать, что самая миссія вызвана распространеніемъ въ Европѣ научнаго міросозерцанія, весьма близко подходящаго къ буддизму. Оказывается, ученый буддистскій міръ во главѣ съ Сумангалой съ истинной радостью наблюдаетъ съ о. Цейлона, какъ въ Европѣ быстро распространяются воззрѣнія пессимизма Шопенгауэра, дарвинизма и матеріалистическаго пантеизма, потому что во всемъ этомъ они видятъ возвращеніе заблудшаго европейскаго міра къ истинѣ буддизма. Шопенгауэръ, Дарвинъ, Бюхнеръ—это, по воззрѣнію Сумангалы, передовые прозелиты буддизма въ Европѣ, и когда извѣстіе о кончинѣ первыхъ двухъ долетѣло до о. Цейлона, то въ главномъ храмѣ буддизма тотчасъ же была совершена буддистская панихида въ честь того, что такіе великіе люди перешли въ *нирвану*... (и куда же имъ больше?...). Увы—все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно! Грустно потому, что все это само собой служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что такъ называемое научное міросозерцаніе, девизомъ котораго служить—прогрессъ, движеніе впередъ, — въ сущности пятится назадъ, и вотъ самыя модныя и передовыя наши теоріи и философскія системы оказываются только возвращеніемъ къ тому міросозер-

цапію, которое, какъ мы наивно воображали, осталось уже на тысячи лѣтъ позади насъ...

Такимъ образомъ вотъ въ какое вѣтвистое дерево невѣрія разростается то зерно раціонализма, которое кроется въ внутренней сущности системъ западнаго христіанства. Отъ этого раціоналистическаго разложенія не спасаетъ ни р. католицизмъ, ни протестантизмъ, какъ мы и старались показать. Такъ неужели же западный христіанскій міръ обреченъ на гибель? Неужели христіанство въ немъ дѣйствительно уступить мѣсто язычеству? — Нѣтъ, можно смѣло отвѣчать на эти вопросы: нѣтъ. Христіанство — сила, которая непобѣдима даже въ тѣхъ несовершенныхъ формахъ, въ которыхъ оно существуетъ на западѣ, — но тутъ есть еще одинъ элементъ, который дѣлаетъ эту непобѣдимость еще вѣроятнѣе, и представляетъ гарантію не только непобѣдимости, но и окончательнаго торжества христіанства надъ вздымающимся на него противникомъ. Объ этомъ элементѣ мы и скажемъ теперь.

IV.

Западный христіанскій міръ, какъ мы старались показать въ первомъ своемъ чтеніи, односторонне воспринялъ истину христіанства. Римско-католицизмъ и протестантизмъ, какъ двѣ противоположныя системы, обѣ нарушили равновѣсіе христіанскаго міросозерцанія, вслѣдствіе чего въ нихъ и нельзя искать всей полноты истины христіанства. Одностороннее развитіе на западѣ сказывалось еще до раздѣленія церквей, но оно находило противовѣсъ въ цѣльности христіанскаго міросозерцанія на востокѣ, гдѣ послѣднее вполне получило вселенскій характеръ. Когда же совершилось это печальное событіе — раздѣленіе церквей, то западъ, оторвавшись отъ востока, вмѣстѣ съ тѣмъ сорвался съ якоря вселенскаго православія и корабль западной церкви, обуреваемый волнами мірскихъ интересовъ, безъ руля и вѣтрила поплылъ по безпредѣльной безднѣ океана исторіи, подвергаясь всѣмъ случайностямъ такого плаванія и даже опасности кораблекрушенія, которое отчасти и

совершилось на рубежѣ XV и XVI столѣтій. Но отпаденіе западнаго міра отъ вселенскаго православія востока не значитъ, чтобы съ этимъ отпаденіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно погибло въ немъ православіе. Предполагать это — значило бы предполагать возможность мгновеннаго исчезновенія истины тамъ, гдѣ она до раздѣленія церквей успѣла настолько укорениться, что производила уже несомнѣнно великіе плоды — въ видѣ высоты христіанской мысли и святости жизни. Вѣдь западъ имѣлъ своихъ великихъ богослововъ и подвижниковъ, которые и доселѣ составляютъ украшеніе вселенской церкви, каковы блл. Августинъ и Іеронимъ, св. Венедиктъ и др., и невозможно предполагать, чтобы съ раздѣленіемъ церквей мгновенно окаменѣла почва, производившая эти превосходные плоды. Вѣдь раздѣленіе, какъ извѣстно, совершилось отчасти вслѣдствіе личнаго честолюбія римскихъ папъ, и несомнѣнно были тысячи и даже миллионы, которые не принимали активного участія въ этомъ событіи и потому совершенно не повинны въ немъ. Не смотря на раздѣленіе, они несомнѣнно продолжали жить своими прежними началами, которыми они жили и до раздѣленія, и, несомнѣнно также, среди нихъ были люди, которые въ мысли и въ жизни осуществляли то вселенское православіе, отъ котораго формально отреклась зап. церковь какъ система. Конечно съ теченіемъ времени церковь, уклоняясь все дальше и дальше отъ православія, своимъ вліяніемъ содѣйствовала все большому и большому ослабленію православія и въ тѣхъ личностяхъ, въ которыхъ оно сохранялось какъ остатокъ вселенскаго преданія, но искоренить его совсѣмъ было невозможно. Даже если бы оно было искоренено въ сферѣ сознательной мысли, оно продолжало бы жить въ области несознательнаго преданія, куда уже не проникаетъ никакая внѣшняя регламентация. И оно несомнѣнно продолжало жить на западѣ, и этимъ только можно объяснить многія явленія въ жизни и исторіи западнаго христіанскаго міра.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи западной церкви мы видимъ, что возвѣщенные ею антивселенскія начала не сразу были призна-

ны повсюду. Когда уже Римъ совершенно и формально отдѣлился отъ православнаго востока и когда такимъ образомъ римская политика папства, незаконныя притязанія котораго на главенство въ церкви послужили завершающей причиной раздѣленія, — когда эта политика восторжествовала окончательно, то все-таки западныя національныя церкви не сразу подчинились римскому самовластію, а въ теченіи еще продолжительнаго времени ведутъ противъ него борьбу, отстаиваютъ свою самобытность, и въ этой борьбѣ можно видѣть только именно протестъ противъ того, въ чемъ римская церковь уклонилась отъ началъ православія. И въ области ученія также мы видимъ въ западной церкви то и дѣло вспышки недовольства существующимъ. Наиболѣе даровитыя личности то и дѣло возстаютъ противъ папскаго гнета и мертвой подзаконности римской церкви и ищутъ исхода для своего религіознаго чувства. Вспышки эти, правда, получаютъ характеръ сектантства, но въ самомъ протестѣ ихъ сказывается неясное чувство неправоты западной церкви и исканіе чего-то такого, что, неясно предносясь сознанію, однакоже предполагаетъ возможность лучшихъ церковно-религіозныхъ началъ. И чѣмъ больше усиливался гнетъ римскаго самовластія, тѣмъ чаще становились протесты и тѣмъ болѣе опредѣленный характеръ принимали они—въ этомъ именно направленіи. Извѣстно, что къ XV вѣку эти протесты получили уже ясный характеръ—въ смыслѣ протестовъ противъ папскаго самовластія. Центромъ протеста становится уже такое вліятельное учрежденіе какъ парижскій университетъ, и его ученые Петръ д'Алльи, Іоаннъ Герсонъ, Николай Клеманжъ выступаютъ съ идеями, въ которыхъ ясно сказывается протестъ противъ римскаго католицизма въ пользу вселенскихъ началъ православія. Первый протестуетъ противъ схоластики, второй является сильнымъ поборникомъ идеи, что вселенскій соборъ выше папы, и третій вопіетъ противъ іерархическаго самовластія и поврежденности церкви. Затѣмъ протесты принимаютъ еще болѣе сильный характеръ. Въ Богеміи является Гусъ, который явно уже возстаетъ противъ папства и дѣлъ его

и явно указывает уже на востокъ, гдѣ онъ видитъ вселенскую церковь, сожалѣть о томъ, что папскіе плеведа заглушили доброе сѣмя, посѣянное св. славянскимъ первоучителемъ Мееодіемъ, и стремится возстановить его. Духъ протеста разрастается и находитъ краснорѣчивое выраженіе въ знаменитыхъ реформаторскихъ соборахъ, и наконецъ въ цѣломъ культурномъ направленіи гуманизма, возродившагося на западѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ греческихъ ученыхъ, которые вмѣстѣ съ классическою ученостію несомнѣнно принесли и духъ вселенскаго православія. И вотъ все это подготовительное движеніе выражается наконецъ въ бурномъ и грозномъ протестѣ нѣмецкаго реформатора, и взглядъ его всецѣло обращается на востокъ—къ первобытному христіанству. Въ этомъ крутомъ поворотѣ сказалась печальная ошибка, такъ какъ Лютеръ, возмущенный неправдами папства, отвергъ всю вообще церковную исторію, даже и ту, которая служила лишь выраженіемъ истиннаго развитія церковнаго самосознанія—на вселенскихъ соборахъ, и за ошибку эту онъ заплатился тѣмъ, что основанная имъ община не привела къ желанной цѣли, а только уклонилась въ противоположное отъ римскаго заблужденіе. Но протестантизмъ все-таки сослужилъ великую церковно-историческую службу. Сломивъ могущество папства, онъ образовалъ собою противовѣсъ противъ римскаго католицизма и такимъ образомъ далъ возможность богословской мысли свободнѣе относиться къ церковно-религіознымъ вопросамъ, и такимъ образомъ данъ былъ матеріалъ для сравнительно-богословскаго изслѣдованія. И это послужило весьма сильнымъ пособіемъ къ выясненію истинныхъ началъ церковно-религіозной жизни. Между римско-католицизмомъ и протестантизмомъ возгорѣлась ожесточенная полемика. Тщательно взвѣшены всѣ возможные доводы за ту или другую сторону. Силы противниковъ оказались равными и понадобился независимый, третейскій судья. Поэтому невольно по многимъ спорнымъ пунктамъ пришлось обратиться къ востоку, и вотъ дѣйствительно полемисты той и другой стороны стараются доказать, что востокъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ склоняется на ихъ именно сторону, а не

на сторону противниковъ. Такъ дѣйствовали и римскіе и протестантскіе полемисты, и тутъ невольно обѣ стороны фактически признали, что востокъ есть весьма важный критерій въ области богословской мысли. Такой оборотъ дѣла вмѣстѣ съ тѣмъ заставилъ обѣ стороны ближе вникнуть въ ученіе и складъ жизни восточной церкви, и истина вселенской церкви, даже въ ея угнетенномъ и бѣдственномъ состояніи подъ варварскимъ игомъ ислама, не могла не отозваться въ душѣ многихъ безпристрастныхъ изслѣдователей. И съ того времени мы видимъ, какъ въ западномъ христіанскомъ мірѣ—то здѣсь, то тамъ—появляется богословъ-мыслитель, который, сознавая крайности обѣихъ западныхъ системъ, стремится къ ихъ примиренію на какомъ нибудь болѣе широкомъ всеобъемлющемъ началѣ, и этимъ началомъ всегда оказывается вселенское православіе. Между многими другими подобными богословами-мыслителями мы укажемъ знаменитаго французскаго епископа Боссюэта, нѣмецкаго философа Лейбница, трирскаго епископа Гонтгейма (Фебронія) и многихъ другихъ. Въ ихъ богословіи весьма много элементовъ, которые прямо отдають духомъ вселенскаго православія. И въ новѣйшее время можно много указать на западѣ богослововъ, которые изъ сравнительнаго анализа двухъ противоположныхъ системъ западнаго христіанства приходятъ къ сознанію ихъ односторонности, и опять чисто логическимъ путемъ доходятъ до признанія истины вселенскаго православія.

Всѣ эти отдѣльные мыслители конечно представляютъ лишь блуждающіе огоньки православія во тмѣ инославнаго христіанства на западѣ. Но они важны, какъ показатели того, что элементы православія все еще живы на западѣ и при благопріятныхъ условіяхъ они могутъ развиваться и принести богатый плодъ. И нашему времени суждено было представить много данныхъ въ подтвержденіе этого предположенія. Отдѣльные огоньки, раздуваемые вѣяніями быстро начавшаго разрастаться на западѣ невѣрія, начали разгораться все въ большее и большее пламя; въ виду выступленія новаго врага, угрожавшаго самому христіанству, въ христіан-

скомъ мірѣ явилось сознаніе необходимости такъ или иначе сомкнуться для общей борьбы, и такъ какъ на западѣ не оказалось такого пункта, около котораго можно бы было сгруппироваться, то взоры многихъ обратились опять къ востоку. И вотъ въ теченіи настоящаго столѣтія мы видимъ уже попытки сознательнаго и намѣреннаго движенія къ сближенію съ православнымъ востокомъ. Исторія этихъ попытокъ сама по себѣ краснорѣчиво говоритъ о ихъ внутреннемъ значеніи.

Первой наиболѣе видной и выразительной попыткой этого рода было извѣстное оксфордское движеніе 30-хъ годовъ текущаго столѣтія въ Англіи. По своему происхожденію это движеніе было мѣстнымъ явленіемъ и вытекало изъ причинъ внутренней жизни англиканской церкви, но по своему существу оно имѣло характеръ общехисторическій и отмѣчало новый фазисъ въ развитіи христіанскаго самосознанія на западѣ. Оно вышло изъ сознанія ненормальнаго положенія, въ которое англиканская церковь поставлена была крайнимъ развитіемъ въ ней идей протестантизма. Когда наиболѣе серьезные и благомыслящіе члены этой церкви, которымъ особенно дороги были интересы своей церкви и которые хотѣли видѣть въ ней не просто одну изъ многочисленныхъ протестантскихъ сектъ, а святую, апостольскую каѳолическую церковь, увидѣли ту бездну, къ которой неудержимо направлялъ ее протестантизмъ, то они старались найти исходъ изъ этого положенія и искали средствъ къ оживленію въ англиканской церкви сознанія каѳоличности. Съ этою цѣлію въ оксфордскомъ университетѣ образовалось особое общество. Какъ серьезные, классически образованные люди, оксфордскіе ученые богословы безъ труда могли угадать, гдѣ нужно было искать тѣхъ началъ каѳоличности, которыми они хотѣли оживить сознаніе англиканской церкви, и они обратились къ твореніямъ св. отцовъ—этой классической литературѣ христіанскаго богословія. Началось тщательное изученіе этихъ твореній, подвергшихся значительному забвенію подъ вліяніемъ крайнихъ идей протестантизма. И трудъ оказался весьма плодотворнымъ. Предъ оксфордскими учеными свято-

отеческая литература открыла необъятный кругозор вселенской церкви, и ея начала, столь возвышенные и великія въ сравненіи съ сектантскою узкостью тогдашняго англиканизма, произвели на нихъ обаятельное впечатлѣніе и рѣшили окончательный характеръ всего движенія. Все движеніе превратилось въ исканіе вселенской церкви, и чѣмъ дальше оксфордскіе ученые углублялись въ свято-отеческую литературу, тѣмъ обаятельнѣе становилась для нихъ идея католической церкви, въ точномъ символическомъ значеніи этого слова. Это вполне отразилось на тѣхъ трактатахъ, чрезъ посредство которыхъ оксфордскіе ученые дѣлились результатами своихъ изслѣдованій съ обществомъ. Первые изъ этихъ трактатовъ (Tracts for the Times) носятъ на себѣ слѣды нерѣшимости и традиціонной привязанности къ формѣ англиканизма, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе выступаетъ въ нихъ свободный католическій элементъ, и наконецъ послѣдніе трактаты выражаютъ полную симпатію ихъ авторовъ къ искомой ими католичности, въ жертву которой они готовы были принести символическіе члены англиканской церкви. Но найденная въ твореніяхъ св. отцовъ идея католической церкви была слишкомъ отвлеченна, чтобы можно было окончательно остановиться на ней. Если эта идея истинна, то она должна быть реальна, и потому должно необходимо существовать на землѣ дѣйствительное воплощеніе этой идеи, отсутствіе которой было бы нарушеніемъ великаго обѣтованія о непрекращаемости церкви на землѣ. Такой путь логическаго мышленія естественно привелъ къ исканію дѣйствительно католической церкви на землѣ, вполне соответствующей началамъ истинной церкви Христовой. И вотъ тутъ образовалось два теченія богословской мысли, которыя подѣлили между собой оксфордскихъ и другихъ мыслителей, интересовавшихся движеніемъ. По мнѣнію однихъ, причина зла, удручавшаго англиканскую церковь, заключалась въ самомъ корнѣ реформаторскаго движенія. По ихъ мнѣнію сама реформація, давшая толчекъ къ отдѣленію англиканской церкви отъ римскаго католицизма, была роковою историческою ошибкою, и потому—чѣмъ скорѣе возвратиться

къ прежней *alma mater*, римской католической церкви, тѣмъ лучше, такъ какъ она, на ихъ взглядъ, доселѣ представляетъ наиболѣе совершенный типъ церкви вселенской или каѳолической. Какъ по-видимому ни несообразно было такое заключеніе послѣ тщательнаго изученія святоотеческой литературы, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ было и самое естественное при данномъ состояніи вещей. Римско-католическая церковь, съ своею стройною организаціей, выработанностью формъ и іерархіи, съ своею всемірною распространенностью и обаятельною силою своего историческаго прошлаго, при исканіи дѣйствительно вселенской церкви скорѣе всего могла представиться воображенію оксфордскихъ ученыхъ. Если къ этому прибавить общность цивилизаціи, по необходимости связывавшей Англію съ римскимъ католическимъ континентомъ, и историческую разобщенность съ малоизвѣстнымъ и малокультурнымъ востокомъ, то наклоненіе части оксфордскихъ ученыхъ въ пользу римской католической церкви станетъ естественнымъ и понятнымъ. Но между ними были также люди, слишкомъ дорожившіе благами національной и религіозной свободы и глубже понимавшіе процессъ церковно-историческаго развитія, чтобы остановиться на этой мысли. Для нихъ также обаятеленъ былъ идеалъ единой истинной каѳолической церкви и они желали найти осуществленіе его на землѣ; но будучи въ то же время болѣе строги въ разсмотрѣніи наличныхъ церквей, они не могли сразу отдать свойство истинности и каѳоличности исключительно какой-либо одной изъ существующихъ церквей. Они видѣли, что дѣйствительному идеалу каѳолической церкви не соотвѣтствуетъ ни одна изъ существующихъ наличныхъ церквей; тѣмъ не менѣе онъ долженъ же существовать въ дѣйствительности, по обѣтованію Спасителя. Идя такимъ путемъ логическаго мышленія, эти ученые пришли къ тому выводу, что истинная каѳолическая церковь не представляется отдѣльно никакою изъ наличныхъ трехъ главныхъ церквей, взятыхъ въ отдѣльности, но всеѣми ими вмѣстѣ. Каѳолическая церковь подобна дереву, которое имѣя одинъ корень и стволъ, съ развитіемъ и ростомъ развѣтвляется, такъ что каждая вѣтвь,

при поверхностномъ наблюденіи, представляется не имѣющею ничего общаго съ другими вѣтвями; на самомъ же дѣлѣ всѣ онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же основной стволъ, питаются одними и тѣми же соками и имѣютъ одинъ и тотъ же жизненный корень. Три главныя церкви—грековосточная, римско-католическая и англиканская, благодаря условіямъ историческаго развитія обособившіяся въ отдѣльныя общины, суть только вѣтви одной католической церкви. Каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, не составляетъ католической церкви въ собственномъ смыслѣ, а есть только часть ея и притомъ нарушившая чистоту своего первообраза подѣліемъ разныхъ историческихъ и національных элементовъ. Но если взять ихъ всѣ вмѣстѣ и посредствомъ извѣстнаго логическаго процесса отвлеченія низвести ихъ на общія начала, съ отвлеченіемъ частныхъ національных элементовъ, то эти общія начала и будутъ тѣмъ католическимъ стволомъ, на которомъ находятся отдѣльныя церкви, какъ отдѣльныя вѣтви одного и того же дерева. Стоило такимъ образомъ признавать эти общія начала, и всякій имѣлъ право на званіе члена католической церкви и безразлично могъ имѣть общеніе въ таинствахъ въ любой изъ трехъ главныхъ церквей. Эту смѣлую мысль нѣкоторые пытались лично осуществить на себѣ, и одинъ изъ вожаковъ оксфордскаго движенія—извѣстный ученый діаконъ Пальмеръ нарочно пріѣзжалъ въ Россію, чтобы заявить свои права на общеніе въ таинствахъ русской православной церкви—на томъ лишь основаніи, что онъ, будучи членомъ англиканской церкви, въ то же время есть членъ и той католической церкви, которая составляетъ общую основу всѣхъ трехъ главныхъ церквей христіанскаго міра. Попытка его, какъ извѣстно, потерѣла полную неудачу, и первый русскій священникъ, къ которому онъ обратился съ просьбою о приобщеніи его въ таинства евхаристіи, потребовалъ отъ него предварительно отреченія отъ заблужденій англиканизма—къ его великому неудовольствію и смущенію. Въ этомъ же родѣ отвѣтилъ ему и Св. Синодъ, давъ оксфордскому ученому понять, что оксфордская доктрина вытекла

не изъ вселенскаго сознанія церкви, а есть простое мѣстное учене, явившееся вслѣдствіе особенныхъ исторически образовавшихся условій жизни англиканской церкви, и потому является ученіемъ совершенно чуждымъ духу православной церкви, которая твердо стоитъ на древнихъ вселенскихъ началахъ и не желаетъ поступаться ими въ пользу какихъ бы то ни было искусственно созданныхъ или мѣстныхъ и частныхъ теорій.

Оксфордское движеніе, какъ извѣстно, не привело ни къ какому рѣшительному результату. Оно было порывомъ религіознаго духа къ освобожденію отъ растлѣвающаго церковную жизнь протестантскаго индивидуализма; но какъ сильное внутреннее движеніе оно не могло остаться безъ значенія для развитія церковнорелигіознаго сознанія, и важнымъ результатомъ его уже было то, что на западѣ пробудилось сознаніе необходимости найти вселенскую церковь и по крайней мѣрѣ часть ея стали видѣть въ православной грековосточной церкви, на которую прежде смотрѣли какъ на безжизненный трупъ. Это послужило новымъ побужденіемъ заняться ближайшимъ ея изученіемъ, и начала оксфордскаго движенія не замедлили еще съ большею опредѣленностью выразиться въ другомъ движеніи, которое также вышло изъ сознанія неудовлетворенности протестантизмомъ. Это—извѣстное англоамериканское движеніе къ сближенію съ православнымъ востокомъ. Движеніе это возникло въ началѣ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Инициатива его принадлежитъ американской епископальной церкви, и оно вышло такимъ образомъ изъ страны, гдѣ протестантизмъ при полной религіозной свободѣ безпрепятственно развилъ свои начала до крайнихъ предѣловъ. Результатомъ послѣдняго было крайнее разложеніе церковнорелигіозной жизни, которая потеряла всякую устойчивость и превратилась въ хаотическое броженіе сектантства; но вслѣдствіе именно такого крайняго развитія по необходимости долженъ былъ наступить кризисъ. И онъ дѣйствительно наступилъ въ 60-хъ годахъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ кризисъ наступилъ и въ общественно-политической жизни страны, выразившись въ бра-

тоубійственной войнѣ, вслѣдствіе чего въ сознаніи народа явилось желаніе найти какое нибудь крѣпкое объединяющее начало въ жизни. Религіозное сознаніе утомилось отъ бесплоднаго сектантскаго броженія, оно стало искать болѣе прочной опоры для церковно-религіозной жизни и потому началось замѣтное движеніе къ церковному объединенію. Поворотъ этотъ всего сильнѣе сказался на епископальной церкви, которая болѣе всѣхъ другихъ протестантскихъ общинъ Америки тяготилась вторженіемъ крайняго духа протестантизма и болѣе всѣхъ другихъ сознавала въ себѣ идею каѳоличности. Оксфордское движеніе въ свое время отразилось и на ней, и теперь, когда наступили болѣе благопріятныя обстоятельства, она смѣло выступила съ идеей вселенской церкви. Проповѣдники ея съ церковныхъ каѳедръ стали раскрывать передъ народнымъ сознаніемъ ту бездну, къ которой неминуемо ведетъ протестантизмъ, и призывали къ оживленію вселенскихъ церковныхъ началъ, приглашая всѣхъ объединиться въ одинъ церковный организмъ, какъ въ единой каѳолической церкви. Въ качествѣ такой церкви хотѣла выступить сама епископальная церковь. Но когда она дѣйствительно хотѣла приступить къ великой церковной миссіи и когда взвѣсила свои силы, то пришла къ печальному сознанію, что она при своей изолированности была совершенно неспособна принять на себя серьезную церковную миссію. Церковно-религіозныя начала ея были расшатаны и литургія ея подъ вліяніемъ крайняго протестантскаго духа низведена была на степень бездушнаго обряда и потеряла все величіе и всю таинственность литургическаго священнодѣйствія. Ища поэтому для себя опоры и не находя ея ни въ протестантскихъ общинахъ, которыя сами еще въ большей мѣрѣ страдали отъ разлагающаго вліянія религіознаго индивидуализма, ни въ р. католицизмъ, который всю силу своей крѣпкой организаціи употреблялъ лишь на дѣло прозелитизма и захвата, американская епископальная церковь обратилась къ далекому для нея православному востоку, чтобы въ общеніи съ нимъ найти себѣ опору и новыя силы къ возрожденію въ себѣ потерянныхъ

началь вселенской церкви. Началась оживленная переписка съ востокомъ, учрежденъ былъ даже особый комитетъ для этого, влиятельные члены ея сами предпринимали путешествія въ Россію и на востокъ, сносились съ св. синодомъ и патріархами, со стороны которыхъ получались выраженія самаго сердечнаго сочувствія къ благому движенію заатлантической церкви, и вообще казалось, будто великое дѣло соединенія церквей близится къ своему совершенію. Но великія историческія дѣла не совершаются скоро. Нужно предварительно приготовить историческую почву для этого, проложить пути,—а ни того, ни другаго еще не было, и потому это движеніе ограничилось только сердечнымъ обмѣномъ сочувствія къ святому дѣлу. Но какъ сильное и искреннее движеніе, оно не могло не повлечь за собою результатовъ, весьма важныхъ для православнаго востока, которые ясныя всего сказались въ *третьемъ* движеніи этого рода, именно старокатолическомъ.

Прежнія два движенія выходили изъ нѣдръ протестантизма, который, быстрѣе развивая свои начала, скорѣе вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ къ сознанію своей несостоятельности предъ лицомъ вышнихъ запросовъ церковнорелигіозной жизни. Между тѣмъ и рим. католицизмъ также продолжалъ все больше и больше развивать свои одностороннія начала. Реформація, какъ извѣстно, имѣла важное очистительное значеніе для р.-католической церкви. Предъ лицомъ грознаго движенія, безпощадно обличавшаго ея недостатки и слабости, рим. католицизмъ по необходимости долженъ былъ отречься отъ многихъ своихъ крайностей и заблужденій, и въ тридентскомъ соборѣ, не смотря на весь его консерватизмъ, онъ является значительно преобразованнымъ въ сравненіи съ средневѣковымъ. Тѣмъ не менѣе сущность въ немъ осталась та же и она-то продолжала все болѣе развиваться и въ послѣдующее время. Такъ какъ существеннымъ пунктомъ рим. католицизма какъ церковной системы является ученіе о главенствѣ папы, то въ этомъ направленіи онъ по преимуществу и развивался и, наконецъ на ватиканскомъ соборѣ 1870 года завершилъ это развитіе апотеозой

папства, когда онъ провозгласилъ новый догматъ папской непогрѣшимости. Провозглашеніе такого догмата было логическимъ выводомъ изъ всей предыдущей исторіи латинскаго христіанства; но этотъ догматъ въ то же время былъ настолько сильнымъ обличителемъ крайности, къ которой привела рим. католицизмъ односторонность его церковной организаціи, что этой крайности ужаснулись многіе изъ самыхъ преданныхъ и благомыслящихъ людей р.-католической церкви. Эти люди, во главѣ съ глубокимъ знатокомъ церковной исторіи, Деллингеромъ, выразили протестъ противъ новаго догмата и начали движеніе во имя *старога католицизма*, т. е. такого католицизма, въ которомъ вселенскія начала еще не были принесены всецѣло въ жертву папской системѣ. Движеніе это по своей конечной цѣли совпало съ тѣми движеніями, которыя выходили изъ нѣдръ протестантизма и имѣли въ виду возстановленіе утраченныхъ вселенскихъ началъ, и потому нашло сочувственный откликъ на православномъ востокѣ и въ западныхъ независимыхъ общинахъ. Оно было уже настолько серьезно и выражало такую насущную потребность церковнорелигіознаго духа, что явилась потребность даже открыто предъ цѣлымъ міромъ выразить его въ какомъ нибудь открытомъ осязательномъ фактѣ. И вотъ плодомъ этого движенія были извѣстные съѣзды богослововъ различныхъ независимыхъ общинъ для совмѣстнаго обсужденія важныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ напередъ этимъ глубокоиинтереснымъ движеніемъ. Это—извѣстныя богословскія конференціи въ Боннѣ, которыя въ свое время возбуждали значительный интересъ во всемъ образованномъ мірѣ. На этихъ конференціяхъ впервые въ теченіи послѣднихъ вѣковъ православные богословы лицомъ къ лицу встрѣтились съ богословами запада въ открытомъ публичномъ собраніи, и результаты этихъ собраний весьма знаменательны. На нихъ между прочимъ вновь выдвинутъ былъ старый вопросъ о *Filioque*, составляющій главную и существенную догматическую разность, отдѣляющую востокъ отъ запада, и при новомъ пересмотрѣ этого великаго догматическаго спора не могла не восторжествовать правда

православнаго востока, которая нашла подтвержденіе въ новыхъ научныхъ изысканіяхъ, веденныхъ съ большею критикою и съ большимъ безпристрастіемъ, чѣмъ это было возможно въ прежнее время. Вопросъ этотъ, нужно сказать, получилъ довольно удовлетворительное рѣшеніе и раньше въ сознаніи наиболѣе просвѣщенныхъ богослововъ запада, и они уже категорически признають, что выраженіе „и отъ Сына“ въ западномъ символѣ есть незаконная прибавка и его никогда не было въ подлинномъ греческомъ текстѣ Никеоцареградскаго символа вѣры. Когда въ 1870 году покойный греческій архіепископъ Александръ Ликургъ во время посѣщенія Англіи посѣтилъ между прочимъ извѣстнаго ученаго епископа линкольнскаго Вордсворта, послѣдній въ честь своего гостя при богослуженіи прочиталъ символъ вѣры по-гречески и конечно безъ Filioque. Строгіе блюстители западной формы подняли шумъ изъ-за этого и стали обвинять епископа въ измѣнѣ англиканизму, но достопочтенный епископъ сразу утишилъ всю эту бурю, заявивъ, что онъ читалъ символъ вѣры по-гречески, а въ греческомъ подлинникѣ его *никогда* не было выраженія „и отъ Сына“, а слѣдовательно онъ и не имѣлъ никакого права искажать подлиннаго текста чуждой ему прибавкой. Сильнѣе этого трудно было высказать осужденіе незаконности западнаго ученія о Filioque, и на боннскихъ конференціяхъ это мнѣніе нашло всеобщее признаніе. Тамъ было признано, что вставка эта въ символъ вѣры сдѣлана незаконно, самовластіемъ папства, и западные богословы настаивали только на необходимости удерживать ее изъ чистопрактическихъ соображеній, изъ опасенія смутить привыкшую къ ней народную массу, какъ историческую древность наконецъ.

Вотъ къ чему такимъ образомъ совершенно логическимъ путемъ пришла западная богословская мысль. Если въ одномъ направленіи эта мысль, подавленная ложною односторонностью западныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ, стремится въ страшную бездну рационализма и невѣрія, то въ другомъ направленіи, тамъ, гдѣ она получаетъ возможность освободиться отъ односторонности, она прихо-

дять опять къ тому, отъ чего уклонилась въ періодъ раздѣленія церквей,—приходитъ къ признанію истины восточнаго православія. Это несомнѣнно великое торжество православія, тѣмъ болѣе великое, что оно вытекаетъ изъ свободнаго признанія истины православія представителями инославнаго богословія! И это торжество тѣмъ болѣе изумительно и чудесно, что его нисколько не добивалась сама православная восточная церковь. Она напротивъ смиренно устранялась отъ всѣхъ подобныхъ западныхъ движеній и выступала только съ своимъ вселенскимъ исповѣданіемъ на запросы запада, который, изживъ свои собственныя церковно-религіозныя начала, настойчиво обращается къ востоку, чтобы онъ ему показалъ свое древнее вселенское исповѣданіе. И это послѣ того, какъ тотъ же западъ цѣлые вѣка утверждалъ, что христіанство окончательно погибло на востокѣ, задавленномъ исламомъ, и что русскій народъ, воспринявшій православіе, загубилъ его бездушными формами своего національнаго полуязыческаго культа. На самомъ же дѣлѣ оба эти обстоятельства послужили только къ лучшему сохраненію святыхъ началъ православія во всей ихъ неприкосновенной истинности и древней каеолчности. Правда, востокъ, лишившись внѣшней гражданской свободы, ослабѣлъ внутренно, живая работа мысли прекратилась въ немъ, источники творчества изсякли. Но если настоящее было мрачно и будущее безотраднo, то мысль по извѣстному психологическому закону тѣмъ чаще обращалась къ прошлому, чтобы въ немъ найти опору для настоящаго. Вслѣдствіе этого тѣмъ дороже становились для нея сокровища историческаго прошлаго и тѣмъ съ большею силою она привязывалась къ нимъ. Въ такомъ положеніи востока пельзя не видѣть особеннаго намѣренія Промысла. Цѣлые вѣка исторической жизни безслѣдно пронесли надъ нимъ, но благодаря именно этому застою, востокъ въ неприкосновенности сохранилъ для будущихъ вѣковъ тѣ истинныя начала вселенской церкви, которыя ввѣрены были ему семью вселенскими соборами и преданіемъ апостольской церкви. Сила этого замѣчанія не ослабится и указаніемъ на то, что правосла-

віе въ русскомъ народѣ нашло обширное поприще для своего свободного дальнѣйшаго развитія. Русскій народъ дѣйствительно явился новымъ свободнымъ носителемъ православія и по своему независимому положенію онъ могъ дать ему дальнѣйшее развитіе. При такомъ развитіи вселенской идеи православія на почвѣ одного народа недалеко была бы опасность уклоненія отъ истинныхъ вселенскихъ началъ въ сторону узкаго національнаго міровоззрѣнія. Но опасность такого уклоненія устранена самымъ характеромъ умственного склада этого народа. Не отличаясь силой умозрительнаго мышленія и высоко цѣня преданіе, русскій народъ принялъ православіе не для того, чтобы развивать, а для того, чтобы охранять его отъ вторженія чуждыхъ элементовъ. Не касаясь теоретической стороны православія, онъ развивалъ по преимуществу практическое и внѣшнее благочестіе, которое одно было достаточно для поднятія и оживленія въ немъ нравственныхъ силъ. Такимъ образомъ, какъ греческій востокъ хранилъ идею вселенскаго православія въ ея каеодической неприкосновенности — *по необходимости*, вслѣдствіе тяготѣвшаго надъ нимъ рабскаго ига, такъ русскій народъ въ свою очередь сохранялъ эту идею *свободно* — въ силу особенныхъ свойствъ своего національнаго характера. И вотъ — начала вселенскаго православія были сохранены во всей своей первоначальной цѣлости до настоящаго времени, когда именно въ нихъ явилась потребность, когда западъ, изживъ свои начала, вновь обратился къ востоку, какъ источнику свѣта христіанства. И замѣчательно, что потребность эта на западѣ явилась именно тогда, когда православный востокъ воскресъ къ новой жизни, когда эллинизмъ вновь возродился къ свободной политической жизни, когда въ немъ опять началась живая работа богословской мысли; именно тогда, когда и другой носитель православія, русскій народъ, быстро развиваясь и зрѣя умственно, приступилъ также къ теоретической работѣ богословскаго разума и сталъ создавать богословскія системы, которыя съ научною основательностью, полнотою и законченностью самостоятельно выражаютъ православное міросо-

зерцаніе. При такомъ состояніи православный востокъ имѣетъ уже возможность явиться живымъ выразителемъ своихъ вселенскихъ началъ предъ западомъ и сознательно, съ научною обстоятельностью дать отвѣтъ западнымъ совопросникамъ о своемъ вѣрованіи и употребленіи.

Такъ дѣйствительно и было на боннскихъ конференціяхъ. Тамъ западные богословы, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ представителями православной богословской мысли—какъ греческой, такъ и русской, встрѣтились съ такимъ развитымъ богословскимъ и вѣроисповѣднымъ самосознаніемъ, котораго они и не предполагали въ представителяхъ „мертвого“, по ихъ мнѣнію, востока. И наша задача состоитъ въ томъ, чтобы все больше и больше развивать это самосознаніе и больше воспламенять тотъ священный огонь православной богословской мысли, который такъ долго тлѣлъ подъ внѣшней обрядностью, и разрабатывать сокровища, которыя еще хранятся въ нѣдрахъ нашей церкви. Сокровища эти настолько велики, что за ними обращается къ намъ западъ,—обращается послѣ того, какъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій пренебрежительно пѣлъ похоронный гимнъ надъ всѣмъ востокомъ. Но въ виду этихъ именно обстоятельствъ тѣмъ страннѣе слышать въ нашемъ обществѣ голоса, которые говорятъ: наше спасеніе въ Римѣ, или наше спасеніе вообще на западѣ!.. Жаль, что говорящіе такъ не сознаютъ, въ какомъ противорѣчій стоятъ они со всѣмъ ходомъ церковно-историческаго развитія. Вѣдь они толкаютъ насъ на западъ тогда, когда самъ западъ уже протягиваетъ къ намъ руки и проситъ хоть крохъ изъ тѣхъ сокровищъ, которыми обладаемъ мы. Говорятъ—нужно соединиться съ Римомъ... Но что такое Римъ въ настоящее время?—Это могущественная организація, которая давно уже перестала быть чисто церковно-религіозной общиной. Это бездушная тираннія, которая вся теперь проникнута началами макіавелевской политики, стремящейся вознаграждать себя за внутреннее нравственное оскудѣніе внѣшними захватами, стремящейся захватывать всѣми средствами и все, что попадаетъ подъ руку.

И съ такой организаціей намъ рекомендуемъ соединиться. Это соединеніе равносильно подчиненію, а подчиненіе Риму равносильно духовной смерти, какъ это уже и доказали милліоны нашихъ западныхъ уніатовъ. Востокъ знаетъ это и не разъ на себѣ испыталъ всю тяжесть папскихъ притязаній и папскаго деспотизма. Въ виду этого во всей наготѣ выступаетъ крайняя нелѣпость расприставившихся недавно слуховъ о сношеніяхъ констант. патріарха Іоакима IV съ папой по вопросу о соединеніи церквей. Такое соединеніе невозможно и даже нежелательно ¹⁾, потому что соединиться съ Римомъ значить отказаться отъ своихъ историческихъ завѣтовъ и церковнорелигіозныхъ сокровищъ, значить отдать себя и свою свободу въ распоряженіе холодной эгоистической политики папства. И востокъ никогда этого не сдѣлаетъ.

Нѣтъ, намъ предстоитъ другая задача, гораздо болѣе важная, но которая всецѣло ускользаетъ отъ взора нашихъ философствующихъ идеализаторовъ папства. И задача эта состоитъ въ томъ, чтобы научными и практическими путями поддерживать тѣ движенія, въ которыхъ выражается тяготѣніе независимыхъ западныхъ общинъ къ востоку и которыя несомнѣнно составляютъ важное знаменіе времени. Движенія эти послѣ дружнаго и горячаго порыва къ сближенію съ востокомъ повидимому ослабѣли, но они ослабѣли лишь во внѣшнемъ своемъ проявленіи, какъ ослабѣваетъ и всякій внѣшній порывъ послѣ извѣстныхъ напряженныхъ усилій. Внутренняя работа, та стихійная работа, которая и служитъ основой для внѣшнихъ движеній, дѣятельно продолжается. Начала, выработанныя на боннскихъ конференціяхъ, все больше вѣдряются въ богословское сознаніе запада и все больше зрѣетъ то каѳолическое самосознаніе, которое и привело къ этимъ движеніямъ. Мы могли бы подтвердить это положеніе массой самыхъ свѣжихъ фактовъ изъ церковно-религіозной жизни Англіи, Америки, Герма-

¹⁾ Въ этомъ именно смыслѣ высказался извѣстный аѳинскій ученый богословъ-профессоръ Д. Киріаку въ своихъ статьяхъ, переведенныхъ въ «Церк. Вѣстн.» №№ 8 и 9 1885 года.

нїи и Швейцарїи, если бы не злоупотребили вниманіемъ своихъ достояваемыхъ слушателей и безъ этихъ подробностей. Во всякомъ случаѣ рано или поздно развивающееся самосознаніе въ христіанскомъ мірѣ вновь выдвинетъ вопросъ о соединеніи между собой независимыхъ церквей, — о соединеніи на началахъ братской любви и равенства. И мы должны содѣйствовать достиженію этого вожделѣннаго момента, потому что это событіе можетъ имѣть рѣшающее значеніе для всего христіанскаго міра. Когда оно совершится и когда независимыя западныя общины соединятся съ православнымъ востокомъ, то этотъ такъ сказать священный союзъ независимыхъ церквей представитъ собой такую нравственную церковнорелигіозную силу, передъ которой содрогнется Римъ. Это будетъ новая реформація, но реформація въ основѣ которой будетъ лежать вселенское православіе, и эта реформація, смиритъ гордыню папства. А когда она смирится, то мы братски протянемъ руку и Риму. Тогда мы радостно возсоединимся и съ нимъ, и опять водворится на землѣ желанный миръ, опять въ христіанскомъ мірѣ будетъ едино стадо и единъ пастырь — но не римскій папа, а — Христосъ!

А. Лопухинъ.

10 марта
1885 года.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки